

ПОПУЛИЗМ И КУЛЬТУРА ПРОТЕСТНОГО ГОЛОСОВАНИЯ В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ И США

***Аннотация.** В статье обсуждается вопрос о том, есть ли взаимосвязь между популизмом и различными формами протестного голосования в Европе и США и, если есть, то как эта связь проявляется. Оба политических феномена рассматриваются как со стороны спроса, так и предложения. Сторона предложения — это партии/кандидаты и соответствующие предвыборные программы и обещания, а сторона спроса — общественные требования и артикулированное недовольство. В центре исследования — состоявшиеся в 2016 году референдум по членству Великобритании в ЕС и президентские выборы в Америке. Поднимается вопрос о формирующейся культуре протестного голосования и ее отношении к процессу «нормализации» голосования за партии и кандидатов, чьи политические позиции до недавнего времени считались слишком радикальными и в целом общественно неприемлемыми. Автор полагает, что качество демократического процесса в той или иной стране, помимо прочего, связано еще и с тем, насколько данная электоральная система и соответствующий набор кандидатов способны дать избирателям возможность голосовать за те политические силы, чьи позиции в максимальной степени отражают актуальный запрос электората.*

***Ключевые слова:** популизм, протестное голосование, евроскептицизм, абсентеизм, мотивация избирателей, Brexit, Трамп, относительная депривация.*

POPULISM AND CULTURE OF THE PROTEST VOTING IN THE EUROPEAN UNION AND THE USA

***Abstract.** The paper addresses the question if populism and different forms of protest voting in Europe and the US are interrelated, and if so, how exactly. Populism and protest voting are contemplated from both supply and demand sides. The supply side consists of parties/candidates and their programs/promises whereas the demand side deals with public sentiments and grievances. The central cases considered in the essay are the 2016 EU membership referendum in the UK and the presidential elections in the US the same year. The article also addresses the question whether there's a protest voting culture in the making and how, if at all, it is connected to the process of "normalization" of voting for the parties/candidates holding particular radical views which used to be considered too extreme and generally unacceptable by the society. The point made in the paper is that the quality of*

the democratic process has to do, among other things, with the ability of a given country's electoral system and the range of candidates available to provide the general electorate with voting options precisely corresponding to their actual political views.

Keywords: *populism, protest voting, Euroscepticism, absenteeism, voting motivation, Brexit, Trump, relative deprivation.*

Согласно масштабному исследованию The Guardian, за период 1998–2018 годы популистские партии, в основном правого спектра, более чем в три раза увеличили свое присутствие в различных органах власти в 31 европейской стране: от примерно 7 до 25 процентов и более¹. Последнее десятилетие стало в известной мере декадой популизма, чему свидетельством выступают референдум по членству Великобритании в Европейском союзе; выборы Д. Трампа президентом США; длительное присутствие популистов в правительствах, в том числе на главных позициях, в Австрии, Венгрии, Греции, Италии, Польше и Финляндии; большие проценты «крайних» партий и политиков на общеевропейских выборах; а также на выборах разного уровня в Германии, Испании, Нидерландах, Чехии, Швеции и других странах². Популизм стал нормой не только европейской и североамериканской политики, а также, — если вспомнить Бразилию или Филиппины, — общемировым трендом.

В практической политике и академической сфере возникают вопросы о причинах роста и «нормализации» популизма, о связи данного явления с протестными настроениями избирателей по отношению к текущей политической конъюнктуре. Важно понять, насколько популистский протест (как электоральный «запрос» и как «предложение» со стороны политических акторов) действительно является устойчивым явлением, новой культурой электорального поведения.

Если популистский тренд есть бунт против мейнстрима, то для разработки обозначенных проблем следует дать определение и провести политологический анализ понятий «мейнстрим», «популизм» и «протестное голосование».

* * *

В 1950–1990 годы граждане западноевропейских стран в основном поддерживали или, во всяком случае, не возражали против интеграционного консенсуса экономических, политических или общественных элит континента. Идея европейской интеграции, отождествляемая с прогрессом, стала очевидным ответом на разрушительный опыт Второй мировой войны. Последняя, в свою очередь, ассоциировалась с национализмом, трактовав-

¹ Lewis P., Clarke S., Barr C., Holder J., Kommenda N. Revealed: one in four Europeans vote populist // The Guardian. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/ng-interactive/2018/nov/20/revealed-one-in-four-europeans-vote-populist>.

² Tomlinson C. The 2010s Were the Best Decade for European Populism Yet // Breitbart [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.breitbart.com/europe/2020/01/03/the-2010s-were-the-best-decade-for-european-populism-yet/>.

шимся как антипрогрессивное и, в известной степени «варварское» явление даже в умеренной форме национального партикуляризма. Максимальная европейская интеграция, мыслимая как часть общемировой глобализации, представлялась залогом устойчивого развития и гарантией того, что катастрофы XX века больше не повторятся. Пик оптимизма в Западной Европе пришелся на рубеж 1980–1990 годов, то есть, на завершение Холодной войны и приход обозначенного Ф. Фукуямой «конца истории» [1] — постепенного перехода всех государств мира, начиная со стран западного культурного ареала, к политическому и экономическому общему знаменателю в виде либерально-демократической модели развития.

В формальном плане «конец истории» привел к постепенному «выхолащиванию» политики в традиционном ее понимании, когда различные, в прошлом находившиеся в постоянных спорах подходы к вопросам функционирования и развития государства и общества, уступили место «технократическому консенсусу», мыслимому как безальтернативная власть чиновников-экспертов [2]. Таким образом и рос «мейнстрим», который в наше время определяют как «политику управления национальным государством, сформировавшуюся на основе симбиоза правых и левых идеологических подходов» [3, с. 8]. Возникновение этого явления относят к 1990 годам, когда в контексте прекращения идеологического противостояния Восток–Запад, ускорившейся глобализации и роста среднего класса произошел «консенсус формально противостоящих друг другу правоцентристского и левоцентристского крыла политической системы, определивший общие контуры управленческой и экспертной практики» [3, с. 8].

Единодушие на уровне элит, однако, не передалось значительной части электората, который все меньше отождествлял себя с политикой и политиками-технократами национального и общеевропейского уровня. Отчуждение шло постепенно и было обусловлено рядом факторов, о которых речь пойдет чуть ниже. Проявлением общественного отчуждения стал либо «уход», то есть, прекращение активного участия в выборах как демонстрация потери веры в «систему», либо голосование за новые партии и политиков, утверждавших, что проблема «в элитах, а не в [демократической] системе» [2].

Недовольство мейнстримом привело к «отрыву» и обретению собственной политической субъектности крайними «крыльями» традиционных (истеблишментарных) больших право- и левоцентристских партий. Новые политические движения называли себя «альтернативой». Содержание их программ было в значительной степени заимствованным и частично радикализированным наследием «старых» партий, от которых представители «альтернативы» откололись. Данные движения нередко позиционируют себя как «низовые» структуры, организующие, вовлекающие или возвращающие в политику избирателей, разочаровавшихся в ней из-за доминирования мейнстрима [3, с. 24]. Наиболее ярким представителем альтернативных партий могут быть названы популисты.

* * *

Популизм имеет давнюю историю, хотя научный интерес к этому явлению стал наиболее заметен в последнее десятилетие вследствие Brexit (референдум и последующая процедура выхода Великобритании из состава Европейского Союза), президентства Д. Трампа и целого ряда успехов популистов в ряде стран континентальной Европы. Традиционно историю популистов ведут с русских народников второй половины XIX века, чье название как раз и является точным аналогом латинского слова «популисты».

Популизм — не только европейское явление. В 1896 году кандидатом в президенты от демократов в США вопреки ожиданиям партийных верхов стал У. Брайан, выступивший с популистской платформой, предполагавшей «обуздание» Уолл-стрит и борьбу с «золотым стандартом». Его поддержали профсоюзы, радикальные силы и значительное число протестно настроенных фермеров, «страдавших от капиталистической индустриализации» [4, с. 14] (любопытно, что протестный электорат Трампа 120 лет спустя, наоборот, выступал против деиндустриализации «глубинной» Америки.) В значительной степени популистскими были революционные движения националистической или левой направленности в Европе в первой половине XX века, которые представляли обществу в той или иной степени антидемократические альтернативы развития. В отличие от них современные протестно-популистские движения стремятся прийти к власти сугубо конституционным путем [5].

Современный этап эволюции популизма наступает после мирового экономического кризиса 2008–2009 годов. Подъем новых левых и правых партий «альтернативы» происходит на фоне разочарования значимого сегмента западных избирателей в дающих сбои экономической модели «постоянного роста» и государстве всеобщего благосостояния. Для преодоления кризиса технократическими правительствами вводится политика жесткой экономии, что усиливает центробежные тенденции в Евросоюзе. Кризис существующей модели евроинтеграции вкупе с инокультурным миграционным наплывом (в прямом смысле слова) в Европу из преимущественно исламских государств большого Ближнего Востока и Африки, особенно в 2015–2016 годы, евроскептикам дал особый импульс. Заметной частью западных обществ кризисные явления были восприняты не только как угроза финансовому благополучию, но и культурной идентичности, образу жизни и казавшейся незыблемой физической безопасности.

Существует с десяток дефиниций популизма³. В житейском восприятии это — морально-неодобрительное определение политиков, дающих избирателям «громкие», масштабные, часто скандальные и рассчитанные на скорый эффект, но заведомо невыполнимые обещания. Если исходить из подобного понимания популизма, то в демократических странах данным «лейблом»

³ Дейвикс К. Популизм // Гефтер. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://gefeter.ru/archive/6800>.

можно «наградить» каждого второго политика. В академических кругах прижилось более узкое и конкретное определение К.Мюдде: популизм — это мировоззрение и риторика, постулирующие фундаментальное разделение общества на две гомогенные и антагонистические группы — «настоящий народ» и «прогнанные элиты», — и утверждающие, что политика должна быть выражением «общей воли» (*volonté générale*) народа.

Корневыми качествами популистской идеологии являются монизм и морализм: народ и элита считаются целостными, но не пересекающимися и обладающими своими отдельными интересами общностями. При этом их разделение в значительной степени основано не только на отношении к власти, но также и на моральных критериях: народ — чистый, честный и работающий, а элиты — коррумпированные, безродные (космополитичные) и богатеющие на спекуляциях. Согласно самопрезентации политиков-популистов, только они выражают «общую волю» народа в то время, как политики из мейнстрима защищают интересы узких групп. Понятие «народ» в популистской риторике конструируется по-разному в зависимости от специфики политического наполнения конкретного популизма, — правого или левого [2].

По мнению Мюдде, популизм — это идеология с «разреженным центром» (*thin-centered*): она не похожа на «большие» идеологии вроде коммунизма или либерализма, которые отвечают на все или большинство вопросов глобальной повестки, например, связанной с тем, какая экономическая или политическая система лучше. Популистским политикам необходимо комбинировать собственно популизм с «большой» идеологией, тем самым заполняя свой «разреженный центр» [2]. Популизмы, следовательно, существуют только во множественном числе, хотя и имеют ряд общих фундаментальных элементов. Популизм может интеллектуализироваться как «фантомная идеология» или как новый тип идеологии — амальгама исторически длительных политических мировоззрений [6].

К. Дейвикс разделяет популизм как протестное движение и как идеологию. В первом измерении он представляет собой «мобилизацию народной поддержки против устойчивых элит и институтов, в пользу прямой демократии»; а в качестве идеологии «фокусируется на процессах и взаимосвязях внутри популистского варианта демократии, требуя непосредственных отношений между правительством и народом без вмешательства каких-либо партий»⁴. Действительно, популизм предполагает «обращение напрямую к гражданам без использования укоренившихся в «мейнстриме» фильтров в виде партийного руководства, устранение ограничений политкорректности и, в конечном счете, выход за пределы сложившегося консенсуса» [3, с. 8].

В содержательном плане популистские движения базируются на «конгломератах ценностей с нечеткими очертаниями», на «неопределенных мировоззрениях, охватывающих различные классы и партии» [5]. В. Швейцер считает, что популисты «подменяют детальный анализ современной

⁴ Дейвикс К. Указ. соч.

ситуации в Европе изошренной политической демагогией» вокруг таких тем, как борьба с коррупцией, противостояние бюрократии, стремление к «справедливому» распределению доходов, роль национальных государств в рамках интегрированного континента. Политике мейнстрима, которую популисты критикуют, они противопоставляют «паллиативные, практически нереализованные решения», которые, однако, популярны в среде «политически малообразованного населения» [7, с. 44].

Хотя большинство избирателей популистских партий поддерживают демократическую систему как таковую, они голосуют за партии, которые, согласно К. Мюдде, «подрывают» реально существующую либеральную демократию в собственной стране, ставя под вопрос такие либеральные достижения, как права меньшинств, власть закона и разделение властей. Иными словами, они дают «нелиберальный демократический ответ» на либерализм, воспринимаемый как недемократический [2]. Голосование за выход Великобритании из ЕС, за Трампа в США и Марин Ле Пен во Франции некоторые авторы даже называют «авторитарным рефлексом» на растущую экономическую и культурную неуверенность в связи со стагнацией доходов и усиливающейся миграцией [8]. Поскольку популистские силы по определению выступают за восстановление «прямой демократии», то в качестве «превентивного удара», дабы устранить возможные злоупотребления со стороны «элит», они в некоторых случаях придя к власти, стремятся устранить возможные системные «препятствия» между народом и властью, что на практике может привести к слому традиции сосуществования сдержек и противовесов в странах с неустоявшейся демократией. По такому пути идут консервативные националисты в Польше (партия «Право и справедливость») или «нелиберальные демократы» в Венгрии («Фидес»)⁵.

«Популистская волна» в странах Запада оказывает существенное воздействие на политический процесс европейских и североамериканских обществ (и не только). Партии с умеренной идеологией на рост популизма отвечают различным образом, в частности через попытки использования «популистского языка». Так, во Франции в 2010 годы стали говорить о «лепенизации умов», когда идеи «Национального фронта» (ныне — «Национального объединения») стали набирать популярность среди ненационалистического электората. Партии традиционных взглядов в известной мере согласились и с политизацией проблем, в прошлом не считавшихся «политическими», в том числе иммиграции, и с отказом от ряда запретов, связанных прежде всего с тяжелым наследием Второй мировой войны и преступлениями нацистского режима (до последнего времени некоторые специалисты подобными табу объясняли, например, весьма низкий рейтинг крайне правых партий в Германии). С точки зрения их критиков, популисты «переизобретают» фундаментальные идеалы демократической легитимности, в частности,

⁵ Broniatowski M. The new communists // Politico.eu. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.politico.eu/article/new-communists-hungary-poland-viktor-orban-jaroslaw-kaczynski/>.

«магию» и этические ценности эпохи Возрождения, прав человека и секуляризма, но употребляют эти «новооткрытые» термины неверно [9, с. 15].

Партиям мейнстрима в ряде случаев удается «перехватывать» популистскую повестку у партий «альтернативы», которые таким образом перестают быть единственными обладателями эксклюзивных прав на некоторые темы. Вместе с тем «перехватывание» полноценно работает только в тех случаях, когда у мейнстрима получается дискредитировать «настоящих» популистов в медийном плане, приписывая им более радикальные и экстремистские позиции, чем те, которые популисты в реальности занимают [10]. Применяя популистскую повестку, мейнстрим одновременно «нормализует» ее, в том числе и в контексте базового популистского представления о фундаментальной разделенности граждан на «элиту» и «народ» и обоснованности протеста против «элит» или «политиков» («политиканов») как таковых⁶. С одной стороны, подобная «нормализация» является благом для качества демократии, так как избиратели с более радикальными, чем мейнстрим, предпочтениями получают возможность поддержать тех, кто им ближе. С другой, — такие тенденции в некоторой степени подрывают либерально-демократический консенсус. Существует мнение, что «нормализация» голосования за радикальные правые партии может повысить вероятность участия людей и в более серьезных, ранее запрещенных формах поведения, диктуемых расизмом и ксенофобией⁷. Мюдде считает, что популизм — это не «нормальная патология» европейской демократии, но «патологическая нормальность», которая стремится радикализировать мейнстримовый дискурс и изменить общепринятое представление о допустимом в политике [11].

Существенный фактор успеха конкретно правых популистов заключается в способности адресовать не только правый (культурные тревоги в связи с исламской миграцией, «великое замещение»), но и левый протест (социальное расслоение, снижение доходов среднего и рабочего класса) [12, с. 131–132] в то время, как левые опасаются заходить на «правую» политическую поляну, но при этом имеют тенденцию уходить в сторону защиты меньшинств и социального конструирования [13]. Комбинированный право-левый идеологический месседж работает в ближайшей перспективе и способен принести (и приносит) электоральные дивиденды (особенно если речь идет о «нишевых» партиях и так называемых партиях одного требования), однако для закрепления партии в политическом поле требуется известная «стационарность» базовых программных положений [12, с. 135–136].

⁶ Mudde C. How populism became the concept that defines our age // The Guardian. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2018/nov/22/populism-concept-defines-our-age>.

⁷ Valentim V. How the electoral success of radical right parties normalises public expressions of support for them // European Politics and Policy. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://blogs.lse.ac.uk/europpblog/2019/01/22/how-the-electoral-success-of-radical-right-parties-normalises-public-expressions-of-support-for-them/>.

* * *

По мнению К. Мюдде, сведение на Западе глобальных дискуссий к противостоянию «глобализма» и «национализма» в последние годы свидетельствует не о победе популизма, но указывает на нативизм как на ту «большую» идеологию, к которой обращаются правые популистские партии [2]. Существуют данные, что основным драйвером как референдума по Brexit, так и первой президентской кампании Д. Трампа стал не популизм как таковой, но нативизм (политика продвижения коренного населения). Несмотря на общее недовольство экономическими и политическими элитами, главным мотивом голосования была иммиграция и, более конкретно, та угроза, которую предположительно несут инокультурные мигранты национальному государству [14].

Среди важнейших или даже наиболее важной характеристикой избирателей правых популистов называется социальный пессимизм. Социальных пессимистов привлекают ностальгические элементы право-популистских посылов, риторика о «старых добрых временах», идеализация прошлого и стремление «вернуть часы на несколько десятилетий назад» [15]. Европейские правые хотят «вернуть контроль» над границами национальных государств, существовавших до фактической отмены барьеров подписанием Шенгенского соглашения, а избиратели Трампа желают «вернуть Америке былое величие». «Брекситеров» и «трампистов» объединяет общее ощущение беспокойства из-за собственно неспособности контролировать власти собственных государств и даже течение своих собственных жизней [16, с. 112].

Интенции голосовать за популистов положительно коррелируют с тенденцией прямой атрибуции текущим властям и мейнстримовым политикам вины за промахи в различных аспектах работы государства [17]. Уровень социального пессимизма особенно важен при выборе между мейнстримовыми и популистскими радикальными правыми партиями и политиками. Чем этот уровень выше, тем с большей вероятностью избиратель проголосует за последних [15]. Однако и при максимальном уровне пессимизма возможен переход в абсентеизм (форма сознательного отказа от проявления конвенциональной политической активности).

Для избирателей-популистов принципиальна не столько популистская направленность партии, сколько ее базовые идеологические послы. Так, правые популисты при прочих равных скорее голосуют за традиционные (умеренные) правые партии, чем за левых популистов⁸.

* * *

Популистские политические силы ярко проявляют себя не только на национальном уровне, но и в Европейском парламенте. На протяжении

⁸ Mudde C. Populists aren't a silent majority – they're just a loud minority // The Guardian. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2018/sep/06/populists-silent-majority-loud-minority>.

десятилетий эта структура воспринималась как во многом имитационный орган, призванный символизировать успехи политической и экономической интеграции континента. Явка на общеевропейских выборах была существенно ниже, чем на национальных, что, очевидно, было в значительной степени обусловлено тем, что избиратели не понимали, в чем смысл голосования и за что конкретно в жизни их государства отвечает Европейский парламент. Стабильно голосовали только мотивированные избиратели, готовые на любом уровне поддерживать «своих». Отсюда — существенно более высокий процент «крайних» партий на общеевропейских выборах, чем на национальных.

Такое положение обеспечивало Европарламенту функцию «быть индикатором того, что у европейцев не на уме, а на сердце»⁹. Иными словами, быть мягкой, достаточно безопасной формой «перенаправления» элит, коррекции их политики посредством «инструментального» голосования [18]. Кроме того, на выборах в Европарламент действует пропорциональная система, а не мажоритарная, как, например, на национальных выборах в Великобритании или Франции. Поэтому «непроходные» на национальном уровне партии вполне могли получить (и получали) свое представительство в Брюсселе. Так формировалась разная культура голосования на общеевропейских и национальных выборах. Вместе с ней формировалась и культура поведения «альтернативных» партий в Европарламенте, чью трибуну соответствующие политические силы стали использовать в основном «не для законодательной деятельности, а для донесения своей позиции до большего числа избирателей», при этом «работая» прежде всего на аудиторию своих стран, с перспективой вернуться из брюссельской «ссылки» на национальный уровень [19, с. 148–149].

* * *

Социально уязвимые группы избирателей по-разному реагируют на ухудшение — фактическое или воспринимаемое — своего экономического статуса и сужение жизненных перспектив в результате экономических кризисов, глобализации и массовой миграции. Первоначально их протест мог выражаться в отказе от голосования, однако с появлением партий «альтернативы» у соответствующих групп населения «появился рупор, с помощью которого они могут донести свои претензии до политического истеблишмента» [20, с. 24].

Некоторые определяют протестное голосование как волеизъявление, при котором электорат выбирает те партии, которые имеют минимальные шансы прихода к власти, однако выступают с наиболее жесткой критикой истеблишмента и его политики [21, с. 23]. Одновременно для избирателей

⁹ Лукьянов Ф. Выборы в Европарламент показали, что европейскую политическую картинку надо собирать заново // Профиль. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://profile.ru/politics/europe/rassypannaya-mozaika-145318/>.

важна и «сторона», с которой соответствующие партии критикуют элиты, — справа или слева [22].

Несмотря на базовый тезис популистов, что они являются выразителями интересов всего народа, а противостоят им лишь незначительные в процентном соотношении, но имеющие огромные средства влияния элиты, популистское голосование в случае с Brexit или Трампом скорее раскалывает соответствующие общества, чем объединяет их. Британский референдум 2016 года показал существенное расхождение в электоральных предпочтениях по возрастным и территориальным линиям: молодежь в большинстве своем (75%) выступила за сохранение членства Великобритании в ЕС, а старшее поколение выбрало Brexit; Шотландия и Северная Ирландия убедительно выступили за сохранение страны в ЕС, Англия и Уэльс — за выход; мегаполисы проголосовали за Евросоюз, малые города, английская «глубинка» — за Brexit [16, с. 111].

Согласно социологическим исследованиям, участников референдума в большей степени волновали проблемы иммиграции (88%) и суверенитета (90%), чем собственно отношения Британии с континентом. Несмотря на ассоциацию абсентеизма скорее с протестными избирателями, в случае с Brexit именно абсентеизм среди сторонников сохранения Великобритании в Европейском союзе (т.е. статуса-кво) в значительной мере обеспечил небольшой перевес в пользу евроскептиков. «Коалиция брекситеров» включала в себя три основные группы граждан: экономически уязвимые, настроенные против иммиграции (95% за Brexit), экономически благополучные евроскептики (75%), старшее поколение из рабочего класса (75%) [16, с. 111].

Говоря о более широкой «популистской коалиции» и причинах ее успехов, Б. Макаренко пишет об эффекте резонанса различных факторов, включая ситуацию относительной депривации вкуче с новыми механизмами получения и осмысления информации о событиях, происходящих в общественно-политической сфере. Состав этой коалиции может меняться от страны к стране, но основное размежевание строится по линии «победители против проигравших» в новой глобальной экономике. Иными словами, за популистами идут те слои населения, которые испытывают наибольшие трудности в адаптации к новым вызовам, — это, скорее, не самые бедные, а «предпоследние двадцать процентов» — слой, относительно защищенный от бедности, но все же опасющийся перспективы «рухнуть вниз» [21, с. 23].

Одна из мотиваций протестного голосования связана со все меньшей различимостью в глазах избирателей традиционных право- и левоцентристских политических партий и кандидатов, с тенденцией к «технократизации» и, как бы парадоксально это ни звучало, «деполитизации политики». Отсюда вытекает не только голосование за антисистемных Н. Фараджа (в прошлом — лидер Партии независимости Соединенного Королевства, с 2019 года — председатель Партии Brexit) в Великобритании или М. Ле Пен во Франции, но и поддержка антиистеблишментарных кандидатов внутри

традиционных партий: таковы Д. Трамп в республиканской партии США, Б. Сандерс — в демократической, Дж. Корбин в лейбористской партии Великобритании, Б. Джонсон — в консервативной [16, с. 112].

В контексте демократического процесса правительство вынуждено говорить гражданам, что способно решать и самые сложные проблемы, — даже в том случае, когда отсутствует сколько-либо реалистичная перспектива сдерживать обещания. Исходя, возможно, из благородных намерений, связанных, например, с поддержанием общественного спокойствия, демократическое правительство ведет себя неискренно, но тем самым оно подтверждает подозрения со стороны популистов, обвиняющих власти в сокрытии правды и откровенной лжи своим избирателям. Brexit, по мнению Д. Марша, является ярким примером подобной коллизии, когда и сторонники, и противники членства Великобритании в ЕС обещали простое решение сложных, трудноразрешимых вопросов, «завязанных» прежде всего на иммиграцию [23]. Специфика демократии как таковой состоит в необходимости ориентироваться на мнение избирателей, которое должно быть благосклонным каждые несколько лет — накануне выборов. Популизм в этой среде успешно навязывает свою повестку непопулистским силам [19, с. 148].

* * *

Для победы Д. Трампа на выборах 2016 года принципиальным стало протестное голосование «забытой Америки» — жителей штатов «ржавого пояса» Среднего Запада (Мичиган, Висконсин, Пенсильвания), опасавшихся ухудшения своего материального положения вследствие деиндустриализации и «потери национальной идентичности в условиях глубоких изменений расово-этнического состава населения США и распространения политики мультикультурализма», которая, как считалось, навязывается обществу космополитической и либеральной элитой через инфильтрацию в систему образования, экспертное сообщество и мейнстримовые медиа [4, с. 13].

Согласно социально-психологическому подходу к протестному голосованию, существенным фактором здесь является относительная депривация избирателей, то есть субъективное ощущение ухудшения собственного экономического положения с одновременной убежденностью, что для многих вокруг финансовая ситуация остается прежней или даже улучшается. Чувство resentiment усиливается, если индивид идентифицируется с сообществом, испытывающим схожие чувства, значит, с локальными «своими». Так появляется желание «отомстить» традиционным партиям и богатым элитам за собственные беды, голосуя за протестные популистские партии [24].

Анализ морально-психологического состояния малообеспеченных американцев европейского происхождения, поддержавших Трампа в 2016 года, обнаруживает такие обстоятельства, как «массовая депрессия, ощущение безнадежности и фрустрации, вызываемой потерей былого статуса и самоуважения» [4, с. 14]. Имеет место также феномен «относительной

обездоленности», когда белые жители сельских регионов чувствуют себя субъективно хуже, чем афроамериканцы [4, с. 14]. К протестным формам политического поведения «приводит не само по себе ухудшение материального положения (воспринимаемое как несправедливость), а убеждение в том, что в таком ухудшении повинна действующая власть, и неверие в ее способность решить проблему» [25, с. 31].

В известном смысле протестное голосование является более «здоровым» проявлением недовольства элитами, чем абсентеизм, который, накапливаясь подобно агрессии, может в отдельных случаях выливаться в явления политического экстремизма как «оружия последнего довода» [26, с. 88]. С другой стороны, «нормализация» голосования за «крайние» политические силы также, как отмечалось выше, может вызывать определенную обеспокоенность.

* * *

Довольно широко распространено мнение о принципиальной аполитичности молодежи и ее безразличии к общим вопросам жизни общества. Вместе с тем эта точка зрения скорее исходит из укоренившихся в течение XX века концепций политического участия и гражданской активности. Такие концепции, возможно, требуют расширения, поскольку «на смену традиционным формам (членство в партиях, голосование на выборах и др.) приходят альтернативные, такие как подписание онлайн-петиций, участие в демонстрациях, бойкотах и иных протестных выступлениях» [27, с. 189–190]. Иными словами, происходит изменение форм гражданской активности, которая, с одной стороны, является безусловно политической по своей сути, но, с другой, — не всегда воспринимается традиционной «оптикой» политологов [28, с. 40].

Интернет не только оказывает все более осязаемое влияние на «реальную» жизнь, но также сам становится неотъемлемой частью политического процесса. «Антиистеблишментарные» избирательные кампании, в частности предвыборная стратегия Д. Трампа или движение за выход Великобритании из ЕС в 2016 году в значительной степени опираются именно на новые, базирующиеся в Глобальной сети медийные технологии. Сама по себе политическая протестность в широком смысле слова имеет гораздо больший потенциал в виртуальном пространстве, чем в рамках традиционных, регулируемых властями предписаний [29]. Вместе с тем Всемирная паутина вместе с расширением собственного влияния также становится объектом регулирования со стороны корпораций и государств.

Нерешенным остается вопрос, в каком направлении Интернет «уводит» протестную активность соответствующих категорий граждан, учитывая множество потенциальных возможностей проявить свою политическую позицию. Существуют данные, что использование социальных сетей, особенно в период избирательных кампаний, положительно коррелирует с проявлением гражданской активности: функционирование Всемирной

паутины «способствует более доступному политическому взаимодействию между гражданами-пользователями, предлагая им новые возможности для получения политической информации и более удобные формы гражданского участия (например, онлайн-петиции или интернет-голосование)» [28, с. 41]. Можно предположить, что Интернет сам по себе — в значительной степени *tabula rasa*, которую по-разному используют различные политические и неполитические акторы, а последствия онлайн-активностей, баланса между спросом и предложением контента, могут быть различными, в том числе и прямо противоположными.

* * *

Демократия существует как самоподдерживающаяся система, когда все акторы политической конструкции действуют в согласии с установленными институциональными правилами и устоявшимися механизмами, одним из которых является прозрачность выборных процессов, решающих проблему взаимоотношения общества и власти. Транспарентность стабилизирует демократическую власть, а восприятие выборов как теряющих свою прозрачность процессов приводит к различным формам политического протеста, в том числе, связанным с голосованием за «антисистемные» или популистские партии, требующие восстановления «нормальной» демократии, то есть более плотного взаимодействия власти и общества [30].

Прогнозы в связи с «нормализацией» голосования за популистов и, если шире, — протестные политические силы разнятся. Так, оптимистический взгляд заключается в том, что такое голосование является признаком омоложения, оживления и/или самотрансформации политической системы, когда меняющиеся партийные лояльности преобразовывают устоявшийся порядок, придавая ему новый импульс развития [31]. Высокие результаты популистов, преимущественно правых, на выборах расширяют возможности их протестной активности и дают поле для распространения собственной политической повестки. Вместе с тем реальный приход популистов к власти, особенно в составе коалиций, когда появляется необходимость идти на компромиссы и разделять ответственность за общие решения, снижает их возможность набирать голоса протестного электората, заставляя искать новые темы для следующих избирательных кампаний [32].

Смещение партийных лояльностей и появление «альтернативных» политических сил в странах с развитой или развивающейся демократией идет в контексте продолжающейся глобализации и трансформации мирового порядка. Протестные тенденции в обществе, то есть спрос на соответствующее представительство в органах власти, рождает разнообразные предложения в виде новых политических сил правой, левой или, как часто бывает, смешанной идеологической направленности. Кроме того, в качестве предложения может выступать и изменение риторики мейнстримовых политических партий, которые, стремясь удержать электорат, перенимают

«популистскую» повестку. Различные формы политического протеста, традиционные и новые, становятся легитимной частью избирательной культуры, что требует от академического сообщества выработки новых подходов к их интеллектуализации.

Список литературы

1. Fukuyama F. The end of history? // *The National Interest*. 1989. № 16. P. 3–18.
2. Mudde C. Populism in the Twenty-First Century // *Public Seminar*. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://publicseminar.org/essays/populism-in-the-twenty-first-century/>.
3. Сергеев В.М., Казанцев А.А., Петров К.Е. Политика «мейнстрима» и ее альтернативы в современном западном мире: на пути от мирового экономического кризиса к «невозможной политике?» // *Полис. Политические исследования*. 2017. № 3. С. 8–29.
4. Печатнов В. Феномен Трампа и американская демократия // *Международные процессы*. 2017. Том 15. № 1. С. 13–34.
5. Лэйн Д. Меняющийся миропорядок: популизм на марше // *Валдай*. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/populizm-na-marshe/>.
6. Freeden M. After the Brexit referendum: revisiting populism as an ideology // *Journal of Political Ideologies*. 2017. Vol. 22. Issue 1. P. 1–11.
7. Швейцер В. Партии и движения политической альтернативы современной Европы // *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*. 2018. № 3. С. 43–47.
8. Inglehart R., Norris P. Trump and the Populist Authoritarian Parties: The Silent Revolution in Reverse // *Perspectives on Politics*. 2017. Vol. 15. Issue 2. P. 443–454.
9. Hastings M. The success of extremist parties in Europe // Durant I., Cohn-Bendit D. (eds.) *The rise of populism and extremist parties in Europe*. The Spinelli group. Brussels. 2013. P. 8–15. Режим доступа: http://www.spinelligroup.eu/sites/spinelli/files/finalpopulismen_0.pdf.
10. Van Spanje J., de Graaf N.D. How established parties reduce other parties' electoral support: the strategy of parroting the pariah // *West European Politics*. 2018. Vol. 41. Issue 1. P. 1–27.
11. Mudde C. Three decades of populist radical right parties in Western Europe: So what? // *European Journal of Political Research*. 2013. Vol. 52. Issue 1. P. 1–19.
12. Стракевич А.А. «Старые» и «новые» популисты в Западной Европе (На примере «Альтернативы для Германии» и «Австрийской партии свободы») // *Россия и современный мир*. 2019. № 2. С. 126–140.
13. Кагарлицкий Б. Между классом и дискурсом. Левые интеллектуалы на страже капитализма. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. 278 с.
14. Rooduijn M. State of the field: How to study populism and adjacent topics? A plea for both more and less focus // *European Journal of Political Research*. 2018. Vol. 58. Issue 1. P. 362–372.
15. Steenvoorden E., Harteveld E. The appeal of nostalgia: the influence of societal pessimism on support for populist radical right parties // *West European Politics*. 2018. Vol. 41. Issue 1. P. 28–52.

16. Ананьева Е.В. Брекзит: причины, политический фон, последствия // Контуры глобальных трансформаций. 2017. Том 10. № 6. С. 98–119.
17. Hameleers M., Bos L., de Vreese C. Framing blame: toward a better understanding of the effects of populist communication on populist party preferences // *Journal of Elections, Public Opinion and Parties*. 2018. Vol. 28. Issue 3. P. 380–398.
18. Moschonas G. The «broken equilibrium» in European politics // Durant I., Cohn-Bendit D. (eds.) *The rise of populism and extremist parties in Europe. The Spinelli group*. Brussels. 2013. P. 20–27. Режим доступа: http://www.spinelligroup.eu/sites/spinelli/files/finalpopulismen_0.pdf.
19. Бышок С.О. Перспективы правых популистов в новом составе Европарламента (2019–2024) // *Гражданин. Выборы. Власть*. 2019. № 1 (11). С. 140–153.
20. Белинский А.В. «Восстание против элит»: всплеск праворадикального популизма в Западной Европе // *Актуальные проблемы Европы*. 2018. № 2. С. 14–36.
21. Макаренко Б. Популизм и политические институты: сравнительная перспектива // *Вестник общественного мнения*. 2017. № 1–2 (124). С. 15–27.
22. Birch S., Dennison J. How protest voters choose // *Party Politics*. 2017. Vol. 25. Issue 2. P. 110–125.
23. Marsh D. Brexit and the politics of truth // *British Politics*. 2018. № 13. P. 79–89.
24. Altomonte C., Gennaro G., Passarelli F. Collective Emotions and Protest Vote. CESifo Working Paper № 7463. 2019. Режим доступа: <https://ssrn.com/abstract=3338817>.
25. Шульц Э.Э. К вопросу о мальтузианской ловушке и демографическом росте как причинах радикальных форм массового социального протеста // *Полития*. 2017. № 4 (87). С. 23–34.
26. Попов В.В., Соломыко В.И. Проблемы политического отчуждения: причины и последствия // *Социально-гуманитарный вестник. Всероссийский сборник научных трудов*. Вып. 22. Краснодар: Издательство Краснодарского центра научно-технической информации (ЦНТИ), 2018. С. 87–89.
27. Пырма Р.В. Электоральная активность молодежи в США, Великобритании, Франции, Германии и России: сравнительное исследование // *Полития*. 2019. № 4 (95). С. 188–204.
28. Малькевич А.А. От электронного голосования к протестной мобилизации: как интернет трансформирует политическое участие // *Управленческое консультирование*. 2019. № 11. С. 39–46.
29. Кольцова О.Ю., Киркиж Э.А. Влияние Интернета на участие в протестах // *Полития*. 2016. № 1 (80). С. 90–110.
30. Hollyer J.R., Rosendorff B.P., Vreeland J.R. Transparency, Protest and Democratic Stability // *British Journal of Political Science*. 2019. Vol. 49. Issue 4. P. 1251–1277.
31. Kriesi H. The Populist Challenge // *West European Politics*. 2014. Vol. 37. Issue 2. P. 361–378.
32. Cohen D. Between strategy and protest: how policy demand, political dissatisfaction and strategic incentives matter for far-right voting // *Political Science Research and Methods*. 2019. Режим доступа: <https://doi.org/10.1017/psrm.2019.21>.